

ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ***О. Ф. Русакова***Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург**e-mail: rusakova_mail@mail.ru*

В статье анализируется дискурс мобильности в качестве способа начивания разнообразных форм передвижений в социальном континуме, ускорения процесса обмена людскими, вещественными, информационными и символическими потоками. Согласно автору, дискурс мобильности выполняет властную функцию, направленную на развитие коммуникативной трансгрессии — способности индивида и социальных групп преодолевать барьеры (пространственные, темпоральные, культурные, идеологические, информационные и др.). Дискурс мобильности можно использовать как аналитический инструмент теоретического моделирования медиасферы и массовых коммуникаций. Дискурс мобильности рассматривается посредством следующих понятий: текучая современность, новый номадизм, подвижность, продвижение, *homo mobilis*, *smart power* и др.

Ключевые слова: *mobility turn*, дискурс мобильности, масс-медиа, медиасфера, массовые коммуникации, текучая современность, новый номадизм, коммуникативная трансгрессия, *homo mobilis*, *smart power*.

В последние годы в социальных и гуманитарных науках заметно активизировался процесс формирования новых дискурсивных комплексов, характеризующих современные эффективные способы властвования и коммуникационного воздействия, а также знаменующие новые теоретико-методологические повороты в исследовательских практиках. К таким дискурсивным поворотам сегодня обоснованно можно отнести «*mobility turn*» или поворот к изучению мобильности как атрибутивного свойства эпохи глобализации и информационного общества.

Пристальное внимание к дискурсу мобильности связано с пониманием большой значимости разнообразного рода подвижностей людских, вещественных и информационных потоков в процессе формирования новых конфигураций социального пространства и времени. Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику, позволяющую «схватить» все ускоряющуюся динамику общественного бытия.

Дискурс мобильности в качестве способа вербального/невербального означивания количественных и качественных характеристик разного рода передвижений в социальном континууме, ускорения, обмена людскими, вещественными, информационными и символическими потоками совершенно органично встраивается в систему концептов и понятий такой комплексной дисциплины как «коммуникативистика, а также особой субдисциплины под названием «теория массовых коммуникаций».

Будучи системно встроенным в концептуальный аппарат теории массовых коммуникаций, а точнее, — в теорию масс-медиа, дискурс мобильности позволяет, на наш взгляд, сконструировать весьма подвижный, пластичный и, в то же время, целостный образ когерентной медиасферы [4]. При включении дискурса мобильности в аналитическую ткань медиа—исследований, по нашему мнению, можно получить следующий эффект: хаотично функционирующие и, на первый взгляд, семантически не связанные между собой разнообразные дискурсы медийной среды (научные, художественные, мифологические, экономические, педагогические и др.) начинают обретать некий общий смыслопорождающий знаменатель в виде *подвижной ризомы* («все-перетекает-во-все»).

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-13-66001.

Смысловые потоки медиасферы носят «клиповый» характер исключительно потому, что в процессе их анализа применяется традиционная оптика формизма, сводящая любой феномен к некой дисциплинарной или социосферной матрице, которая рассматривается в качестве константы. Константа уже по определению лишена атрибутики подвижности, присущей трансформеру. Аналогично тому, как в евклидовой геометрии параллельные линии не пересекаются, так и в логике матричного (формистского) видения мы не заметим когерентных включений в медиасфере. Однако, если мы представим медиа-среду в виде подвижной ризомы, то есть, взглянем на нее с позиции парадигмы мобильности, то, наверняка мы обнаружим смысловые узлы, соединяющие разнообразные медиапотоки. Иначе говоря, когда мы применяем дискурс мобильности в качестве инструмента анализа современных массовых коммуникаций, мы руководствуемся, прежде всего, ризомно-сетевой моделью коммуникативных потоков и взаимодействий.

Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, позволяющую проанализировать и концептуально смоделировать динамику коммуникационных процессов. Если ранее обществоведы оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «политический институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследовательского внимания отчетливо перемещается в сторону изучения мобильных объектов и динамичных форм деятельности.

В настоящее время в целом ряде стран активно работают исследовательские центры, занимающиеся проблемами мобильности. Наиболее известным является Центр исследования мобильности в Ланкастерском университете (Великобритания) [15] Существует также **Общеввропейская сеть исследований мобильности** (<http://mcenterdrexel.wordpress.com>).

Исследование дискурса мобильности нашло свое оригинальное развитие в теории текучей современности З. Баумана [1]. Ментальной проекцией тяжелой современности, по Бауману, выступает фордистская модель мира, основанная на принципах системной жесткости, иерархического устройства общества (логоцентризма), на доведенном до пределов рационализме и управленческом централизме. Согласно данной теории, в настоящее время на смену эпохи *hand wake*, или «тяжелой современности», приходит эпоха постфордизма или текучей современности. Новая эпоха ознаменована возникновением новых инструментов властвования. Если в фордистском мире одним из главных способов осуществления властных функций была дисциплина, основанная на жестком подчинении вышестоящей инстанции, то в мире текучей современности дисциплинарная власть оказывается рассредоточенной и сконцентрированной в значительной степени в символическом пространстве, образуемом масс-медийной деятельностью.

В текучем мире именно масс-медиа часто оказываются для индивида основным лоцманом, дающим ориентиры в быстро меняющейся социальной среде, в новых трендах и модных гаджетах, в бренд-имиджевых приоритетах и в способах идентификации. Экранные зрелища и Интернет взяли на себя властную функцию форматирования массового сознания в режиме мобильности, то есть, текучей современности. Масс-медиа, таким образом, выступают не только в роли институциональных носителей коммуникативной мобильности, но и трансляторов установки на мобильность как ценностно-значимого ориентира современного образа жизни.

Важно отметить, что, благодаря работам целого ряда современных авторов, среди которых необходимо особо выделить М. Кастельса [2], Дж. Урри [10] и Т. Крессвелла [17], П. Адей [13], дискурс мобильности обогатился новыми концептуальными образами, метафорическими значениями, в его категориальном репертуаре появились такие понятия как «сети», «потоки», «пространственно-временная мобильность» и др. Дискурс мобильности добавил новые смысловые оттенки многим аналитическим концептам, получающих современную разработку в социокультурных и коммуникативных исследованиях.

Современные теоретические портреты дискурса мобильности различаются своими методологическими и дисциплинарными подходами, приоритетными объектно-предметными областями социальных и гуманитарных исследований. Согласно известному британскому социологу Джону Урри, дискурсы мобильности должны встать во главу угла новой дисциплины — социологии мобильности, а при расширении исследовательских по-

лей — лечь в основу целого комплекса научных дисциплин под названием «mobility studies».

Фокус внимания социологии, считает Урри, сегодня перемещается от изучения устойчивых форм и социальных образований к исследованию взаимосвязей и констелляций различных видов и типов мобильности. Другой британский исследователь — Тим Кресвелл — предлагает рассматривать мобильность в контекстах смысловых полей дискурсов власти, репрезентаций и социальных идентичностей. Автор также обращает внимание на существование различных политик мобильности, предлагает целую систему категорий и метафор, позволяющую многопланово подойти к теоретическому моделированию видového разнообразия и концептосферы мобильности.

В целом, дискурс мобильности используется современными исследователями как для характеристики феномена *высоко пластичной подвижности*, присущей новым социокультурным и коммуникативным реалиям, так и для концептуального осмысления жизненно-ценностных установок, культивирующих мобильность в качестве условия успешной социализации в обществе текучей современности и информационно-коммуникативной революции. Другими словами, дискурс мобильности выполняет властно-дисциплинарную функцию социального программирования, направленную на *развитие коммуникативной трансгрессии* — способности индивида и социальных групп преодолевать разного рода барьеры (пространственные, темпоральные, культурные, идеологические, информационные и др.) посредством выработки специфических качеств, продуцирующих определенную степень мобильности, и развития мобильно-ориентированных компетенций.

Особый интерес у современных исследователей вызывают такие виды мобильности как Интернет-мобильность, коммуникативная мобильность, транспортная мобильность, урбанистическая мобильность, миграционная мобильность, туризм как разновидность мобильности, академическая, университетская, культурная, гендерная мобильность и т. д.

Кроме того, исследования мобильности включают в свою предметную область сравнительное изучение социально-пространственной и культурной мобильности разных исторических эпох, стран и народов. При выявлении инфраструктур различных исторических типов мобильности выделяются, к примеру, конная инфраструктура, характерная для мобильности эпохи Средневековья, железнодорожная инфраструктура, олицетворяющая мобильность индустриальной эпохи, автомобильная, авиационная и сетевая инфраструктуры, репрезентирующие мобильность современного типа.

Значительное внимание в mobility studies уделяется антропологическим аспектам мобильных коммуникаций, что находит свое отражение в новых понятиях, таких как «*homo mobilis*» (человек мобильный), «человек-турист», «третий объект» (гибрид мобильного средства и человека), «мотильность» (личностная предрасположенность или непредрасположенность к мобильности), «глобтроттер» (многопутешествующий человек).

В ряде исследований отмечается идеологическая заданность дискурса мобильности, его пронизанность либеральными ценностными установками, в основе которых лежит представление о мобильном образе жизни как о характерном способе существования свободного человека в свободном обществе. Человек данного типа принципиально открыт для межкультурных и иных транснациональных коммуникаций, свободно владеет разными языками, легко передвигается по миру, ориентируется в глобальном рыночном пространстве, в новых информационных технологиях, в новинках потребительской культуры, плотно включен в социальные и политические сети.

Тема мобильности сегодня раскрывается посредством целого ряда понятий, в числе которых — «адаптивность», «подвижность», «изменчивость», «гибкость», «пластичность», «коммуникабельность», «интерактивность», «empowerment», «promotion» и др. В дискурсивный комплекс, дающий обозначения для разных видов мобильности, входят многочисленные метафоры, среди которых наиболее распространенными являются метафоры *пространственного передвижения*, метафоры *путешествия*, в том числе — по ментальным мирам, метафоры *сети*, *потоков*, метафоры *хронотопа*, фиксирующие внимание на трансформациях в области восприятия пространства и времени в условиях ускорения жизни, антропоморфные метафоры, характеризующие *homo mobilis*.

В основе дискурсивных группировок метафор мобильности лежат определенные концептуальные схемы, ядром которых являются устойчивые ментальные образования, назы-

ваемые концептами. Концепты не только формируют метафорические ряды, но и управляют дискурсами мобильности.

Имена концептам, как правило, дают их базовые метафоры и понятия. Так, например, одним из концептов мобильности является **концепт нового номадизма**. [11]. Данный концепт трактует номадический мир (мир кочевников) посредством таких метафор как «жизнь в пути», «флуктуальный мир», «челночное пребывание в разных средах».

В основе концепта традиционного номадизма лежит *дихотомия оседлости и кочевничества*, репрезентирующая историческое противостояние двух различных образов жизни и разных типов мировосприятия. В современном глобальном мире данное противостояние получило свою реализацию в антагонизме коренных жителей государств, местностей и регионов, с одной стороны, и «кочующих» категорий людей или «людей пути» (*gens du voyage*), таких как мигранты, беженцы, бездомные бродяги, цыгане, с другой стороны.

В традиционном номадизме дискурс территориальной и культурной укорененности содержит негативную оценочную характеристику «кочевого» образа жизни, которая транслируется такими понятийными образованиями как «пришлость» и «понаеханность». Способ идентификации населения в подобном ключе осуществляется посредством дискриминационного дискурса, который всех «неукорененных» и «пришлых» относит к группе маргиналов и малодостойных людей, чьи права и маршруты передвижения необходимо ограничивать всеми возможными методами.

Концепт нового номадизма, напротив, транслирует дискурсы, направленные против дискриминации «людей пути», дискурсы, которые культивируют установку на общественное признание мобильных социальных групп, на повышение социальной значимости миграционных процессов и мобильного образа жизни. «Жизнь в пути», согласно концепту нового номадизма, представляет собой не отклонение от нормы, под которой в территориальном фундаментализме подразумевается оседлый образ жизни, а, напротив, является формулой успеха в мире подвижно-текучих реалий и размывающихся границ.

Дискурс нового номадизма нацелен на активное размывание границ и барьеров между цивилизационным «центром» и «периферией», между «укорененностью» и «беспочвенностью». В центре внимания ново-номадических исследований — процессы социокультурных инверсий, флуктуаций и трансформаций, которые приобрели массовый характер в условиях ускорения человеческих и иных потоков.

При анализе феномена мобильности сегодня активно разрабатывается и внедряется в общественное сознание **концепт подвижности**. Подвижность рассматривается как благо с социально-адаптивной, рекреативной, экономической, коммуникативной, образовательной и медицинской точек зрения. Социальное и физиологическое здоровье, правильный образ жизни все чаще трактуются как пребывание субъекта в состоянии постоянного движения, активного взаимодействия с окружающей средой, то есть подвижности. Медицинская реабилитация постоянно ассоциируется с процессом вставания на ноги и способностью к самостоятельному передвижению. Кроме того, ценным личностным качеством считается подвижность в виде высокой социальной адаптивности, соответствующая инстинкту приспособления живых организмов к средовым особенностям, колебаниям и изменениям.

Особая значимость сегодня придается коммуникативной подвижности, которая считается исключительно ценным качеством при проведении дипломатических переговоров, а также при осуществлении культурного, научного и образовательного обмена.

В сфере образования и науки концепт подвижности обрел свою практическую форму в программах *академической мобильности*. Данные программы активно внедряются в жизнь в странах Европы в рамках Болонского процесса. Под академической мобильностью в болонских документах подразумевается перемещение студентов, преподавателей, ученых и администраторов из образовательных учреждений одних стран в другие с целью повышения квалификации, обмена опытом и знаниями, установления и развития продуктивных контактов. Среди главных задач академической мобильности выделяются следующие: 1) обеспечение доступа к учебным заведениям европейских стран, к разнообразным образовательным услугам (для студентов); 2) получение международного признания, прохождение стажировки для повышения академического статуса (для преподавателей и исследо-

вателей); 3) осуществление профессиональной переподготовки без нарушения статуса и законных прав (для сотрудников администраций).

В качестве главной цели и глобальной миссии академической мобильности называется интернализация образовательного и научного процесса, повышение его прозрачности [18, с. 10]. В гуманитарном плане академическая мобильность рассматривается как эффективный инструмент развития коммуникативных и профессиональных навыков, расширения горизонтов возможностей для личностного роста и для формирования независимого образа мысли. В целом же, академическая мобильность, по мнению компетентных респондентов, призвана осуществлять адаптацию университетского и научного сообщества к глобальному рынку труда [18, с. 38].

Дискурс академической мобильности, считают эксперты, должен занять столь же достойное место в стратегических планах современных государств, что и дискурс трудовой занятости, поскольку направлен на развитие социальных институтов и бизнеса. Считается, что поощряемый на национальном и международном уровнях, дискурс мобильности способствует тому, чтобы *mobility studies* и связанные с ними культурно-образовательные стратегии стали приоритетными целевыми объектами инвестирования [18, с. 57].

Следует заметить, что европейская политика в области академической мобильности, а, следовательно, и сам дискурс мобильности, распространяемый Европейским Союзом, в настоящее время подвергается весьма критическому анализу. «Великий дискурс» о мобильности все чаще рассматривается как инструмент продвижения неолиберального проекта глобализации, нацеленного на тотальную маркетизацию и коммерциализацию высшего образования. Исследования академической мобильности показывают, что данный процесс на практике оборачивается очередной волной вестернизации, западно-центричного форматирования мирового образовательного пространства. Потоки мобильных студентов, преподавателей и исследователей, в основном, имеют западный вектор. Лидерами в области массового приема «академических туристов» выступают США, Великобритания, Германия, Австрия, Франция, а рекордсменами отправки на учебу за рубеж выступают страны Восточной Европы и Азии. В итоге, проект академической мобильности, изначально задуманный как проект интернализации научно-образовательной среды, трансформируется в глобальную маркетинговую стратегию усиления конкурентоспособности и умножения ресурсов *soft power* стран Запада [7]. За фасадом академической мобильности можно обнаружить и такое негативное для стран-отправителей явление как «утечка мозгов» [15].

В противовес западнцентричному дискурсу академической мобильности в последнее время получает широкое хождение дискурс азиатской академической мобильности, выступающий проводником стратегий *soft power* таких стран как Япония, Китай, Индия, Южная Корея, Вьетнам, Сингапур и др. [8; 3]. Особенно больших успехов в области развития академической мобильности в рамках программ укрепления «мягкой мощи» собственной страны в последние годы добился Китай. Среди важнейших стратегических установок китайской модели *soft power* – популяризация китайской системы образования и расширение доли людей, владеющих китайским языком. В плане реализации данной стратегии Китай к настоящему времени уже создал 295 Институтов Конфуция при университетах разных стран мира. В целях продвижения китайского языка затрачиваются крупные суммы (около 200 миллионов долларов в каждом квартале) на обучение педагогов, призванных преподавать иностранцам упрощенную версию языка под названием Mandarin. Для детей китайских диаспор реализуется программа под названием «Travel to China to Find Your Roots», направленная на усиление китайской привлекательности, издаются специальные учебники по истории Китая, повествующие о традициях и достижениях страны, о ее международном влиянии, внушающие чувство гордости за историческую родину [19].

В современном обществе массового потребления существует тесная смысловая связка между дискурсом мобильности и дискурсом маркетинга. Это особенно наглядно фиксирует категория «продвижение» или «*promotion*». Посредством данной категории раскрываются специфические черты такой разновидности мобильности как *маркетинговая мобильность*. Под маркетинговой мобильностью подразумевается, в первую очередь, высокий уровень конкурентоспособности рыночных акторов, который проявляется в успешном продвижении производимой ими продукции, в закреплении в массовом созна-

нии таких символических образований как имидж, бренд и репутация, в занятии доминирующих позиций в подвижном пространстве маркетинга.

Принцип продвижения является одним из важных постулатов массмедийного маркетинга. Стремление к доминированию в медиа-пространстве стимулирует процесс опережающего включения СМИ в информационные потоки, мобильного реагирования на текущие события и медийные усилия конкурентов, оперативного производства «свежего» медиа-продукта и быстрой доставки его аудитории. В условиях нарастающей конкуренции особенно востребованными становятся мобильные масс-медийные технологии, которые позволяют обеспечивать форсированное продвижение смыслов, значений, идей и образов с целью их закрепления на новых социальных территориях и расширения сферы медиадискурсного влияния [6, с. 118].

В современном дискурсе мобильности в настоящее время прочно укоренился **концепт хронотопа**, раскрывающий динамическую взаимосвязь пространственных сетей и потоков с темпоральными характеристиками, такими как скорость, ритм, темп, цикличность, событийность [9]. Концепт хронотопа лежит в основе современных исследований *коммуникативно-информационной мобильности*.

Коммуникативно-информационный подход к осмыслению мобильности акцентирует внимание на таком эффекте современных средств коммуникации как *сжатие пространства и времени*. Современный рост мобильности социальных субъектов, происходящий благодаря развитию высокоскоростных средств объективно-пространственной коммуникации (транспортная сеть) и виртуальной коммуникации (электронные СМИ, Интернет, сотовая связь, смартфон и т.п.), сжимает пространство и время, формируя тем самым хронотоп особого рода – коммуникативно-сетевой.

Хронотоп сетевой коммуникации представляет собой систему интерактивных коммуникативных взаимодействий, осуществляемых в пространстве сетевых сообществ. Хронотоп данного свойства стал предметом специального анализа в фундаментальном труде М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». Кастельс выдвигает гипотезу о том, что в сетевом обществе пространство и время трансформируются под влиянием информационно-технологической парадигмы, в результате чего возникает новая пространственная логистика, обозначаемая им понятием «пространство потоков». «Под потоками, — пишет Кастельс, — я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [2, с. 402].

Доминирующие социальные практики встроены в доминирующие социальные структуры. Основными сетевыми узлами пространства потоков, по Кастельсу, выступают центры информационно-технических инноваций, экономических и культурных обменов, распределения административной и политической власти. Другими словами, сетевая архитектура пространства коммуникативных потоков — это кристаллизация времени и констелляция власти современной информационной эпохи, это арена, где разыгрываются интересы и ценности социальных групп.

Все наше современное общество, утверждает Кастельс, построено вокруг потоков — потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Пространство потоков есть материальная организация материальных практик в разделенном времени, работающем через потоки. Современное общество асимметрично организовано вокруг доминирующих интересов и доминирующих хронотопов. На одном социальном полюсе — хорошо организованные элиты, контролирующие широкие сети хронотопов (пространственно-временных потоков) и потому доминирующие в социально-коммуникативном пространстве и времени. На другом — дезорганизованные массы, чьи хронотопы локальны и блокированы социальными практиками элит. Стратегия элит — обеспечение изоляции своей хронотопной среды с целью сохранения полного контроля над пространственно-временными потоками разного рода капиталов. Стратегия оппозиционных масс — расширение пространственно-временных коммуникаций вплоть до слома иерархической архитектуры, выстроенной элитами сетевого хронотопа.

Максимальное включение народных масс в управление пространственно-временными потоками, считает Кастельс, приведет в итоге к ликвидации коммуникатив-

ных барьеров и к возникновению качественно нового хронотопа – экстра-временного или мгновенно-коммуникативного. Данная перспектива повышает социальную значимость такого властного ресурса как коммуникативная гибкость, которая выступает весьма ценным атрибутом так называемой smart power («умной власти»).

Мобильность, трактуемая в качестве важной характеристики «умной власти», сегодня приобретает статус государственной стратегии. На основе мобильных комбинаций разнообразных ресурсов smart power современные государства выстраивают свою внешнюю и внутреннюю политику, добиваются конкурентной устойчивости в мировом пространстве. От мобильности в сфере международных коммуникаций в значительной степени зависит геополитический статус страны, а также — ее имиджевая привлекательность для населения других государств.

В работах ряда зарубежных и отечественных авторов понятие «smart power» расшифровывается как способность гибко комбинировать и чередовать ресурсы soft power («мягкой» силы) и hard power («жесткой» силы) [5; 7; 12; 16]. К стратегическим ресурсам «жесткой» силы обычно относят военную интервенцию, экономические санкции, подкуп, дипломатическое давление. К soft power – ценности, идеалы, культуру, знания, обучающие программы, дипломатическое искусство, оказание гуманитарной и социальной помощи, культурную дипломатию. Соединение силовых механизмов власти с коммуникативными практиками soft power обеспечивает политическим институтам и структурам наибольшую устойчивость, гибкость и подвижность. Данный эффект достигается благодаря тому, что soft power обладает способностью такого ментального воздействия, при котором без оказания видимого насилия, опираясь на техники соблазна ценностями и благами цивилизации, осуществляется формирование и воспроизводство следующих источников легитимации государственных и межгосударственных организаций: лояльность населения, согласие, признание, идентичность, привлекательность политики, верность договорным обязательствам.

Мобильность в качестве атрибутивного свойства smart power предполагает высокую технологическую и интеллектуальную гибкость информационного управления, «управления рефлексией» в мировой политике. Умная мощь – это и скорость обработки информации, и способность государственных структур генерировать новые идеи и новейшие методы влияния.

В заключение можно отметить, что дискурс мобильности, концептуально соединенный с понятиями «новый номадизм», «promotion», «хронотоп» и «smart power», вполне может стать важным теоретико-методологическим звеном в развитии большой группы дисциплин, объединенных общим интересом к исследованию современных коммуникаций.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под науч. Ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
3. Кочнева Е.Д. Современные тренды студенческой мобильности //Дискурс-36–39.Пи: Научный журнал. 2013, вып. 15.
4. Кожемякин Е. А. Современные медиадискурсы: специфика и проблема когерентности //Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Международ. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1–4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / Под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. — Белгород: КОНСТАНТА, 2014. — С. 57 – 62.
5. Най Дж. С.-мл. Умная сила: эссе //Политическая наука, 2012. — № 4. — С. 179 – 182.
6. Полонский А.В. Массмедийность как категория дискурса и текста // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Международ. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1–4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / Под ред. Е. А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. — Белгород: КОНСТАНТА, 2014. С. 110 – 122.
7. Русакова О. Ф. «Умная сила» («Smart power») как государственная стратегия // Политический вектор—PRO. 2013. — № 1. — С. 87 – 98.
8. Русакова О. Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии //Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). — С. 52 – 61.

9. Русакова О. Ф., Фатихов С. П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2011. Выпуск 17. – № 30 [247]. – С. 122 – 127.
10. Урри Дж. Мобильности [Текст] / пер. с англ. А.В.Лазарева, вступ. статья Н.А.Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.
11. Ушакин С. О людях пути: номадизм сегодня // www.akademia.edu/1876129
12. Чихарев И. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. 2010. № 25 // www.internends.ru/twenty-fifth/011.htm (дата обращения 20.03.2013).
13. Adey P. *Mobility*. New York: Routledge, 2010.
14. Annual Forge Summer School, «The Dynamics of Mobility» University of Lancaster, UK -17-19 September 2013.
15. Dervin, F. Looking Beyond the Façade of Academic Mobility and Migration// <http://users.utu.fi/freder/dervinpaper.pdf>
16. Ernest J., Wilson III. Hard Power, Soft Power, Smart Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*: Sage, 2008. Feb 13. P. 111. (The online version of this article can be found at: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/01/115196.htm>).
17. Cresswell, T. *On the Move: Mobility in the modern West*. New York: Routledge, 2006.
18. *Mobility: Closing the gap between policy and practice* (E. Colucci, H. Davies, J. Korhonen, M. Gaebel). EUA Publications. 2012.
19. Yee-Ruang Heng. Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evolving Japanese and Shinese strategies in the `soft` power competition era// *International Relations of the Asia-Pacific*. Volume 10 (2010). – P. 285.

DISCOURSE OF MOBILITY IN CONTEMPORARY COMMUNICATIONS

O. F. Rusakova

*Institute of Philosophy and
Law, Ural Branch of Russian
Academy of Science,
Ekaterinburg*

*e-mail:
rusakova_mail@mail.ru*

The article examines the discourse of mobility as a way of denoting the different moving forms in social continuum, the acceleration of exchanges between human, material, informational and symbolic streams. According to the author, the discourse of mobility performs the important function, directed to the development of communicative transgression – personal and social ability for overcoming barriers (special, temporal, cultural, ideological, informative, et cetera). The discourse of mobility can be used as the analytical instrument of theoretical modeling of media-sphere and mass communications. The discourse of mobility examines by means of following notions: flowing modernity, new nomadism, mobility, promotion, homo mobilis, smart power, et cetera.

Keywords: mobility turn, discourse of mobility, mass-media, media-sphere, mass communications, flowing modernity, new nomadism, communicative transgression, homo mobilis, smart power.